

Все персонажи и события являются
вымышленными.

Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны.

Пролог

— Сядьте поудобнее, расслабьтесь, закройте глаза, вытяните ноги, пусть руки свободно свисают... Здесь вы — в полной безопасности, в компании единомышленников, — мерно, успокаивающе звучал голос ведущей. — Мы не осуждаем, не заставляем говорить, если вы не готовы. Впереди нас ждет длинный путь, который мы одолеем вместе...

Я послушно выполняла команды такой спокойной и понимающей психологини, но долгожданного расслабления не наступало. Даже наоборот: к клокодавшему внутри, будто в адовом котле, замесу эмоций добавлялось гаденькое циничное желание вскочить, отшвырнув стул, заорать, послать все и всех подальше — сделать хоть что-нибудь, только бы расшевелить этих несчастных терпил вокруг.

Приподняв веки, я покосилась на Аньку — подруга покорно распласталась на стуле и, зажмурившись, наверняка вспоминала по заданию ведущей постигшую ее невиданных масштабов обиду. Я хмыкнула про себя: эка невидаль, застукала своего тусклого до ноющей боли в зубах кавалера с какой-то девицей в пиццерии неподалеку от дома! Потом долго и абсолютно беззубо верещала на все заведение, рыдала и грозила «отступнику» карами небесными...

Анька, как это часто бывает, была заправским сапожником без сапог. Подруга кичилась дипломом психолога, преспокойно опуская тот факт, что многие из институтских заданий — как правило, самые креативные — в свое время накидывала ей по телефону я. Осев на работе в отделе кадров какой-то конторы средней руки, она который год бредила карьерой в тренингах и таскала меня на все мало-мальски заметные душекопательные занятия. Это был тот самый случай, когда проще было подчиниться, чем объяснить, почему не пойдешь, — вцеплялась Анька мертвой хваткой.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что на нынешнюю групповую терапию я согласилась без обычного предубеждения. «Работаем с обидами. Выслушаем, поймем, научим справляться с острыми эмоциями. Здесь вы встретите тех, кто столкнулся с обидами похлеще вашей, — и осознаете, что у вас-то все еще не так плохо!» — последний пассаж рекламной листовки немного смягчил мой скепсис.

Увы, на тренинге царил унылая тягомотина: всхлипывавшая девушка поведала о травле в школе, потом все желающие высказали слова поддержки и пообнимались под крики «Мы вместе!». Грешна, тоже покричала, чтобы не выбиваться из компании, но зревший в душе протест грозил в любой момент вырваться наружу.

Эх, да что вы знаете об обидах, дети! Обида — не заброшенные прыщавыми юнцами на дерево кроссовки и уж точно не свидание твоего никчемного парня с блеклой, ему под стать, барышней. Все это вполне можно было пережить — и благополучно забыть. Или даже отыскать в этом скудоумную мотивацию: пестовать обидку под низкосортную душещипательную песню и, размазывая по физиономии остатки макияжа, сочинять хитроумные планы мести.

Все это слишком мелко и недостойно хлесткого термина «обида». Того разъедающего тебя изнутри, будто чистая, незамутненная кислота высочайшей концентрации, ощущения, тех отчаянных рыданий, когда, кажется, вот-вот выплунешь собственное сердце, и того бессилия, от которого хочется рвать себя, как когтями. Я знаю, что это такое. Я знаю об этом все.

Обида моя тянет на солидную цифру с шестью нулями. Сколько ни уводила себя от желания посчитать, на какую сумму меня обобрали, а все-таки сдалась — и, проведя нехитрую поверхностную калькуляцию, пришла в ужас. Двенадцать соток на престижном северо-западе области, добротный дом с обстановкой — наверняка я еще поскромничала в расчетах!

Хотя плевать я хотела на деньги. Наверное, я — набитая опилками дура без «лавэ», но никогда не мерила на деньги людей и обстоятельства. Вот и в этой истории все свелось к банальному «вишневому саду»: после смерти моего бесхарактерного деда выяснилось, что дача, на которой я выросла, где знала каждый уголок, со всеми «намоленными» фотографиями, картинами и записками родных, уже год как принадлежит... дочери его бойкой второй жены!

— Закрыли глаза, закрыли, — послышался совсем рядом мягкий, но настойчивый голос, и я вздрогнула, осознав, что на время «вылетела» из процесса расслабления. Веки опустились, давая мне возможность сосредоточиться на словах психологини. — А сейчас пусть каждый представит себя там, где ему комфортнее всего. Может быть, это пляж с белым песочком и море, или, например, дождливый весенний Париж со свежей зеленью и теплыми круассанами, или...

...или дачный поселок писателей в пятидесяти километрах от родной столицы. Красивое, но, наверное, ничем

не примечательное место — за исключением того факта, что только там я и была по-настоящему счастлива. Помню, как взлетала на старых деревянных качелях, мечтая, что стану певицей... нет, следователем... а может, знаменитым журналистом с ордой поклонников. Вдали полыхало заходящее солнце, я с наслаждением подставляла лицо его слепящим ласковым лучам — и мечтала, мечтала, мечтала... Это была моя жизнь. Маленький мир самой обычной наивной девочки с косичкой, сердце которой рвалось от радости за то, что уготовано ей в будущем. Но, как водится, девочка жестоко ошибалась...

«Ленок — хозяйка! И точка. Так решил твой дед. И перестаньте с матерью названивать, мне надоели эти дразги», — не далее как позавчера отрезала по телефону «безутешная вдова» деда. Даже не знаю, что привело меня в большее бешенство: категорическое нежелание циничной ведьмы идти хоть на какой-то контакт или это простецкое, гаденькое «Ленок».

Двадцать лет назад я, еще девочка-подросток, скрепя сердце смирилась с желанием деда вновь обзавестись семьей. По современным меркам он был еще совсем не старым, да и бабушки к тому моменту несколько лет как не было на свете. Случайно познакомился в санатории с медсестрой, «разведенкой» чуть старше моей мамы, воспитывавшей дочь — мою ровесницу, как раз ту самую Лену. «Окучивает», — дружно вздыхала родня, не понимая, что именно мой вполне себе интеллигентный дед мог найти в этой хамоватой тетке.

Она была... темной. Знаете, как бывает: смотришь на человека и, какими ни были бы его глаза и волосы, какого цвета ни была бы на нем одежда, видишь кромешную тьму. Словно внутри все выжжено злобой, и душа — пепелище, на котором давно не тлеет ни уголька. Такого тронь — и будто дуновением ветра весь пепел, всю грязь

вынесет наружу. Так и будешь стоять под этим мерзким зловонным градом, не в силах защититься от летящих в тебя черных комков. Можешь заходиться от бессилия, можешь пытаться что-то доказать, срывая голос и стирая до крошек зубы, — тьма будет лишь уплотняться, надвигаться неумолимой тучей, поглощая без остатка... И ты тоже станешь темным, только от горя и унижения. Научишься провозглашать пустые речи о том, что «справедливость еще восторжествует», станешь часто «дремать» в метро, чтобы никто не видел за закрытыми веками слезы, а они будут жечь глаза, и внутри у тебя навеки поселятся безнадега и тьма...

— Нет!!! — вырвал меня из оцепенения чей-то голос, и, резко встряхнувшись, я в ужасе поняла, что кричала сама. Глаза распахнулись, и меня встретили с десяток ошарашенных взглядов. Все вокруг окутало густой тишиной. Мне не было стыдно, о нет! От вида покорных, несчастных, искренне взволнованных товарищей по терапии впору было зайтись в ярости. Зачем они сидят здесь, возвращая в себе обиды и находя какую-то особую, извращенную эйфорию в ничтожном самокопании? Зачем им это нелепое упоение от роли несправедливо униженных, глупое самопожертвование, никчемное смирение? И главное, зачем все это МНЕ?..

Вскочив на ноги и резко отбросив стул, я в бешенстве полетела к дверям, бессвязно рыча что-то о ничтожествах, которые всю жизнь только и делают, что сносят пинки да скулят. Судя по бессвязным окликам и цокоту каблучков за спиной, Анька припустила следом в надежде меня образумить. Нет, нет и еще раз нет! Я не смирюсь. Я не стану жертвой. Никогда!

Глава 1

— Ну как ты, воительница? — насмешливо бросила Анька, переступив порог моей квартиры. — Всю жизнь была «танком в березках» — и отрадно, что хотя бы это с годами не меняется! Ведущая тренинга жаловалась, что тебе удалось посеять сомнения в рядах этих бедняг, ее подопечных. Сама эффективность метода оказалась под вопросом, о как! В харизме тебе не откажешь. С нами не просто отказались работать — твоими стараниями мы теперь точно не попадем ни на одно подобное мероприятие, «рекламку» нам обеспечат по высшему разряду!

Вздохнув, я уныло поплелась на кухню делать чай, жестом пригласив Аньку следовать за мной. Прошедшая с момента памятной истерики неделя основательно охладила мой пыл. Сначала мне было стыдно — даже не того, что сорвалась на этих бедняг, утратила остатки терпения, а с ними — и все нормы приличия. Главное, я «потеряла лицо», показала, как сильно переживаю, и от этого мое унижение от ситуации с дачей стало еще более явственным.

Стыд и в который раз оскорбленное достоинство грызли меня изнутри все эти дни, вполне ожидаемо заставив снова съехать на ярость. Глуша мерзкое чувство провала, накатывавшее обычно к вечеру, когда отступала привычная будничная суета, я на все лады поносила деда, его «черную вдову», ее хамку-дочь, добрую недалекую пси-

хологиню и всех этих несчастных глупцов с тренинга по борьбе с обидами. А потом все самые красочные эпитеты вдруг иссякли — и в душе осталась зиять пустота, эта уже знакомая темная дыра, выжженная ненавистью.

Мерный стрекот Аньки заставил меня очнуться от неутешительных мыслей. Пока я метала на стол чашки и конфетки, подруга вдохновенно говорила о чем-то... Да о чем же? Ох, пора мне, видимо, и правда забыть оскорбление как страшный сон, а с ним — и эту окаянную дачу со всем скопищем обиженной родни и горой псевдоценной фамильной макулатуры. Иначе скоро я совсем потеряю навыки коммуникации и начну распугивать людей одним своим грозным видом царевны Софьи с картины Репина.

— ...это был главный ресурс, на это ты опиралась в жизни, — вещал между тем мой доморощенный психолог. — Ты придумала себе легенду, сказку о легионе родни, готовой горой постоять за тебя даже с того света. Жила в этой иллюзии долгие годы. И тут эта сказка — вжих-х-х!!! — и рухнула. Один ресурс сменился другим, теперь твоя главная движущая сила — ненависть. Но силенок превратить это в настоящий стимул для развития, увы, нет. Ты топчешься на месте, заходишься в бессилии. Смирись уже тогда, или...

— И ты туда же!!! Подвешивай мозги своим дурикам на работе, Фрейд, они с готовностью схавают этот протухший продукт! Вас специально, что ли, учат толкать этот нудеж про ресурсы и прочую фигню? Да пойми ты, психолог — это не тот, кто насобачился орудовать умными словами! Нужно видеть человека насквозь, влезать в его шкуру, смотреть на мир его глазами! Чувствовать его настолько, чтобы прицельно бить словами в десятку, на интуиции, на проникновении. Психолог — тот, кто способен «ходить в чужих ботинках»... — Разогнавшись,

я осеклась на полуслове, заметив, что Анька каменной глыбой застыла на месте.

Ого, оказывается, не все эпитеты у меня иссякли, и оскорблять я по-прежнему умею! И ведь сама ударила прицельно, по больному месту, упрекнув в нетонкости и по большому счету в профнепригодности. Потому что глубокая, сотканная из сомнений и полутонов психология и моя старательная, рациональная подруга обитали будто на разных планетах. Глядя на Аньку, утонувшую взглядом в чашке с чаем, чтобы не заплакать, я уже на чем свет стоит поносила свою дурацкую прямолинейность и желала — в который раз за последнее время — провалиться куда-нибудь поглубже, в преисподнюю.

— Ань, ну прости. — Я сорвалась с места и приобняла своего горе-психолога за плечи, покачиваясь с ней из стороны в сторону. — Я очень тебя люблю, ценю твоё желание помочь и, кстати, твои советы как специалиста. Дело не в тебе, а в моей безнадежной ситуации. Ни характера, ни нервов. Да, я не могу с этим справиться. Но... не надо меня «лечить». Это бесполезно, сама понимаешь. Должно пройти время...

Я еще долго говорила, умасливая ее и заглаживая вину за очередной срыв. Отходчивая подруга мягко погладила меня по руке, но все равно продолжала всхлипывать. Мы дружили с первого класса, и я точно знала, что после редких ссор нужно вовремя переключить ее внимание на что-то злободневное — и любопытная Анька тут же отгадет, забыв все претензии. Как назло, ничего путного в голову не приходило. Ресурсы, дача, обиды, тренинги, смирение... Да вот же!!!

— «Или»! — провозгласила я, встряхивая Аньку за плечи. Сейчас мы снова пробудим к жизни психолога, покажем, как важны ее советы. Покривить душой ради

дружбы — не грех. — «Или!» Ты только что сказала: «Смирись, или...» Что «или»? Что ты имела в виду?

Анька мгновенно преобразилась. Слезы на простодушном лице разом высохли, зеленовато-рыжие глаза распахнулись, а из круглого розового рта вылетело, тут же повиснув в воздухе и обретя чуть ли не материально осязаемую значимость, одно слово:

— Клуб.

* * *

Минут пять мы, склонившись над столом, изучали Анькины малоинформативные каракули на обратной стороне основательно пожеванного чека.

— Извини, записала на первом, что подвернулось под руку, — беспечно бросила подруга в ответ на мое красноречивое раздраженное молчание. — Момент удачный подвернулся, нужно было спешить. Позвонила клиентка с прошлой работы, да ты ее знаешь по моим байкам... Жизель.

Я понимающе кивнула. Прекрасно помнила эту тетку не первой молодости, какую-то обеспеченную бухгалтершу, главным хобби которой были походы по разного рода ловцам и лекарям душ. Тетку отличала изобретательность по части выдумывания проблем, а свое негласное прозвище в наших сплетнях она получила за привычку суетливо метаться по жизни и напрочь утраченный в какой-то момент этих метаний здравый смысл.

После института Анька успела поработать в психологической консультации — там-то и познакомилась с Жизелью, пришедшей снять непосильный груз: переживаний — с души и лишней наличности — с кошелька. Удивительно, но клиентка прикипела к моей подруге, совсем, кажется, не предназначенной для своей профессии, и периодически звонила даже по окончании их психотерапевтических бесед.

— Обрушилась на меня, причем с таким нахрапом, словно трясло всю, — продолжала живописать Анька, отбросив остатки этики. — Она на работе все воюет, уж и представить не берусь, что там за гадюшник, но сама посуды: важные бумаги украли и под статью чуть не подвели — раз, с отпуском «прокатили» — два, теперь перед начальством полной дурой выставили — три. Короче, вся такая несправедливо обиженная... Да-да, твоя тема!

Видимо, я совсем разучилась контролировать себя, раз при слове «несправедливо» мое лицо изменилось — да так, что его выражение верно считала не самая тонкокожая Анька. Я по-прежнему не понимала, куда она клонит, но очередная затея с тренингами — а, судя по всему, «клуб» представлял как раз обычное собрание нытиков и неудачников, — мягко говоря, не вдохновляла.

— Я уже привыкла к ее жалобам, а тут, представь себе, звонит вся такая взбудораженная, окрыленная! Говорит, посоветовали ей нечто такое, где точно поймут и, главное, научат мыслить иначе. — Анька, до сего момента жарко тараторившая, вдруг резко остановилась, замерла, преисполненная таинственности, и театрально вскинула палец. — Это клуб. И не простой, а закрытый. Удивительно, но не самый дорогой. Для тех, кого несправедливо оболгали, оскорбили, обобрали. Попасть туда не так-то просто, только по рекомендации одного из его членов и после тщательной проверки. Информации в Сети почти нет, а если и попадают крупницы, все тут же подчищается. Нет-нет, ничего незаконного, просто... Ты совершенно права насчет всех этих тренингов. Полная ерунда. А там — максимальная откровенность, настоящее единство, действенная помощь. И, по слухам, какой-то нереально фееричный лидер.

Только этого мне и не хватало для полного счастья! Не сумев сдержать пренебрежительный свист, я схватилась

за голову. Отличная идея — на четвертом десятке разыгрывать из себя участников тайного общества, да еще и по наводкам полубезумной тетки! Окунуться в толпу фанатиков, а потом, как водится, отписать имущество какому-то «лидеру», явно шарлатану. И, главное, позволить переформатировать себе мозги — по доброй воле! Ну не чушь?

В нашей с Анькой дружбе было немало противоречивого. Начать хотя бы с этих ее психологических потуг: получив нужное образование, она так и не смогла стать настоящим профи в любимом деле, я же, наоборот, — никогда не стремилась залезть людям в душу, но, кажется, мне это неплохо удавалось.

Подобное противоречие отмечало и наши образы жизни. Анька, так и грезившая авантюрами, существовала вполне себе заурядно и благонаравно. Я же, мечтавшая о стабильности, не самая легкая на подъем, предпочитавшая созерцательность активности, вечно вляпывалась в какие-то истории. «Приключения» находили меня с завидной регулярностью: новый знакомый с перспективой на долгие отношения оказывался изобретательным извращенцем, на мои резюме откликались исключительно мошенники всех мастей, а под моей дверью вечно околачивались сотрудники липового пенсионного фонда, сектанты и прочие коммивояжеры. Словом, «развлечений», мелких и не очень, хватало.

Вот и теперь, похоже, меня ждала очередная порция неприятностей. Впрочем, с недавних пор, так и не сумев сладить с постигшей меня обидой, я стала все чаще задумываться о своей жизни. Может быть, именно страусиная политика и определяла все мои неудачи? В конце концов, мне уже надоело опасаться всего и вся в попытках избежать «острых углов» жизни. И не выплескиваю ли я, как говорится, с водой ребенка, не отбрасываю ли шансы изменить все к лучшему, наладить работу и личную жизнь...

— ...не какой-то там заштатный тренинг с дамочками, выдумывающими себе от скуки проблемы, а сообщество успешных, мыслящих людей. Контингент там — закачаешься! — словно подслушав мои мысли, пылко молотла языком Анька. — Сейчас там набирают новую группу. Кто знает, вдруг найдем себе достойных мужчин? Да и лишние связи не помешают, сама вечно ноешь, что работу пора менять... Не говоря уже о том, что с твоей проблемой помогут! Ну же, соглашайся, надоело киснуть в этом болоте!

И я сдалась. Не из-за уговоров подруги, хотя они были вполне убедительными. Просто в этот самый момент, на этой самой кухне, сидя с чашкой остывшего чая, я вдруг ясно осознала: дальше так продолжаться не может. Слезы, одиночество, неустроенность, неприятности, бессонные ночи... Надоело! В душе шевельнулось долгожданное — и такое, увы, редкое — предчувствие. Интуитивное обещание скорых перемен, и отнюдь не к худшему. Того, что наконец-то ослабит терзавшую мою душу боль — и поможет справиться с ее поистине ужасными последствиями. Того, что в прямом смысле слова оттащит меня от края.

* * *

— Привет, — бодро поздоровалась пышная ухоженная блондинка бальзаковского возраста, втиснутая в твидовый клетчатый костюм известного бренда. В маникюренных пальцах-сосисках она сжимала сумку с не менее известным монограммным узором. Судя по исходившему от дамы ореолу финансового благополучия, ее экипировка была самой что ни на есть настоящей. Женщина суетливо дернулась, приобняв меня, и представилась:

— Марина.

— Юрьевна, — машинально добавила Анька, тут же осекшись под грозным взглядом приятельницы. Жизель находилась в том опасно-неопределенном возрасте, когда женщину одинаково обижают не уступивший ей место в метро юнец и «возрастное» обращение по отчеству. Хотя одета она была довольно легко для середины марта — значит, ни о каком общественном транспорте речь не шла и где-то неподалеку пряталась ее машина.

Клацая лакированными когтями по экрану телефона, Жизель долго изучала карту навигатора. Потом, несколько раз все перепроверив, недоуменно пожала плечами и махнула в сторону самой обычной бело-синей многоэтажки:

— Ничего не понимаю... Адрес я записывала тщательно, здесь должен быть клуб. Но это ведь жилой дом! Ерунда какая-то...

Покачнувшись на неудобных каблуках, я лишь хмыкнула. Разве долгие годы дружбы не научили меня откидывать любые Анькины инициативы мгновенно, не дожидаясь разочарования и раздражения? Растрезвонила про этот свой «клуб для избранных»! Еще утром, узнав, что едем мы в обычный спальный район, я уловила шевельнувшееся в груди сомнение. Но тут же от него отмахнулась, решив, что это какая-то хитрая маскировка. Нет, вы только вдумайтесь в это — «маскировка»!!! Чего-чего, а дури в моей голове всегда хватало с избытком.

Досаднее всего было то, что я битых три часа собиралась, надев, как водится, все лучшее сразу. Сначала с благоговейным трепетом встала на весы и обнаружила, что за время стресса «наела» пару лишних кило. Потом все же втиснулась в черное платье-футляр, купленное в свое время под верещание неумной подруги о моих мега-супер-пупер «итальянских» формах. Накинула черное же пальто — я любила этот цвет, а сейчас особенно захо-

телось в него «спрятаться». Образ довершили туфли с застежкой на лодыжке — дорогушие, не по сезону легкие и страшно неудобные.

Ощущая себя перетянутым слоном на копытах, я окинула взором Аньку — и мне сразу полегчало. Видимо, подругой двигали те же побуждения: элита! мужчины! харизматичный лидер! — потому что и на ней красовался весь самый дорогуший ее «шмот». Раздражение так и подтачивало изнутри, но нельзя было не признать, что смотрелось наше трио, что называется, дорого. Глупо, но дорого.

Изырая себе под нос проклятия, я смиренно похромала вслед за товарками к заштатному многоэтажному «улью». У подъезда Жизель небрежно перебросилась с кем-то парой фраз по телефону, постучала по кнопкам домофона и потянула толстую железную дверь.

У лифта нас уже встречали.

— Мила, — приветливо склонила голову набок хрупкая белокурая девушка, и я сразу подумала о том, как же ей идет это имя.

Невысокая, с легкими тонкими завитушками волос, точеными чертами лица, прозрачной, с голубыми прожилками, кожей и серыми глазами с бездонными зрачками, она напоминала изящную статуэтку. От нее исходили кротость и... какая-то мука, словно такому миниатюрному нежному созданию было безгранично тяжело влачить на себе груз существования в этом неотесанном мире. Жизнь научила меня не доверять милым тихоням, но эта девушка сразу расположила к себе.

Интерьер квартиры удачно перекликался с «экстерьером» ее хозяйки. Мне доводилось бывать в домах подобной планировки, но это помещение, больше напоминавшее офис, не шло ни в какое сравнение с виденным прежде. Все было светлым, белым до рези в глазах,

а в сочетании с обилием хрупкого стекла и изящных хромированных деталей создавало впечатление операционной.

Если здесь и препарировали гостей, то только психологически. Мила рассадила нас за большим столом со стеклянной же поверхностью и, вежливо сообщив, что перед первым занятием в клубе нам необходимо заполнить ряд тестов, раздала по стопке бумажек. Пока хозяйка хлопотала над угощением, мы взялись за дело.

Вначале шла короткая анкета с общими сведениями. Имя, дата рождения, образование, профессия, хобби... Подкупало, что, вопреки моим ожиданиям, никто не требовал точных данных вроде фамилии и места работы, да и графы можно было оставить незаполненными — пресловутые звездочки стояли лишь над строчками с именем и предложением указать предпочтительный способ связи. Я вписала электронный адрес.

Потом шел довольно длинный, но легкий тест — как я поняла, на психологическое состояние. Несколько десятков вопросов о настроении и самочувствии, сне и аппетите. Я покосилась на Аньку, и подруга, перехватив немой вопрос в моем взгляде, уверенно кивнула: да, такой тест действительно существует, серьезный и профессиональный, можно заполнять.

После еще одного похожего опросника, гораздо короче, следовал листок с нарисованным кругом, разделенным на восемь секторов. Требовалось представить себя в центре круга, а в «дольки» вписать людей, пришедших в голову, и указать, насколько близко ты готов подпустить их к себе. Отметив ближе к середине родителей и Аньку, я крепко задумалась — и остановилась. Актуального спутника жизни у меня не наблюдалось, а лишний раз вспоминать о родственных перипетиях, учитывая крушение любимой семейной легенды, не хотелось. Значит,

в оставшихся секторах будут прочерки — вполне красно-речиво.

Наконец, остался один разлинованный листочек со сформулированной в самых изысканных выражениях просьбой написать, чего именно я жду от занятий в клубе. Вежливость в сочетании с небанальной подачей всегда меня подкупала, и я не поскупилась на слова. Не менее художественно и, главное, абсолютно искренне изложила, что жду проработки своей проблемы, ищу способ справиться с обидой, надеюсь обрести понимание... Хотя, положив руку на сердце, это была лишь половина правды. Ладно, две третьих правды. Частичка меня по-прежнему заходила в беззубой ярости, стоило вспомнить об унижении. И хотела лишь одного: справедливого возмездия.

— Большое спасибо, — полился мелодичный голос Милы, стоило мне и остальным отложить ручки.

Я подняла взгляд и увидела нашу милую — ну куда тут без тавтологии! — хозяйку, которая сидела напротив за уже уставленным чашками и невесть откуда взявшимися изысканными пирожными столом, чинно сложив тонкие ручки и с улыбкой глядя на нас.

— Далеко не всем хватает терпения заполнить тесты, а ведь они так полезны! На их основе мы сможем выработать индивидуальные рекомендации по работе с каждой из вас. Правда, это еще не все методики...

— А этот ваш хваленый лидер, он что, материалы для диссертации с нашей помощью собирает? — с насмешкой вырвалось у меня. Нет-нет, я не имела ничего против, просто привыкла с самого начала понимать, на что подписываюсь. И раз уж какой-то умник намерен использовать меня в качестве подопытной крыски, пусть отработает мою бескорыстную помощь как следует!

— Диссертацию? Вы правы. Уже докторскую, — отозвалась Мила так просто и доброжелательно, что я мгно-

венно устыдилась, будто ненароком обидела ребенка. — У вас верный ход мыслей. У нашего руководителя — если позволите, я бы использовала именно термин «руководитель» — психологическое образование, он успешно защитил кандидатскую. И это не единственное его достижение. И образование — тоже не единственное.

И Мила пустилась в пространные объяснения о том, что любой деятельностью нужно заниматься профессионально, и это выгодно отличает клуб от остальных псевдо-психологических заведений подобного рода, где каждый может объявить себя специалистом. Знакомая тема заставила Аньку оживиться, и подруга, напустив на себя важный вид, еще долго обсуждала с Милой достоинства и недостатки проективных тестов, какие-то нейронные сети и прочие ганглии...

Даже не стараясь вникнуть в смысл заумной беседы, я снова осторожно скользнула взглядом по гостиной. Первое впечатление подтвердилось: квартира явно представляла собой подобие офиса. Нигде — ни на стенах, ни на мебели, ни на других предметах обстановки — не наблюдалось указаний на личность или увлечения хозяйки. Впрочем, почему я так уверилась, что квартира принадлежала именно Миле? С тем же успехом здесь мог обрестись кто угодно — как и не обрестись вообще.

— Все это, конечно, очень интересно, но... Не поясните ли, что будет дальше? — не выдержала долгих разговоров Жизель. — Мы прошли первую ступень «посвящения»? Достойны круга избранных? Когда же нам завяжут глаза и окольным путем отвезут в этот таинственный клуб?

Ого, а тетка-то с юмором! И не дура. Просто беспокойная. Я бросила на Жизель благодарный взгляд — эта психологическая канитель явно затянулась, а мы так и не узнали ничего конкретного. Где обещанные единомышлен-

ники, откровенные беседы, небанальные ходы, солнцеподобный лидер? И вдруг я поймала себя на мысли: сейчас, когда унижение неотвязно следовало за мной по пятам, когда жизнь превратилась в одно тщетное мучительное самокопание, когда любой намек на поддержку оборачивался фарсом, мне почему-то остро захотелось, чтобы мои ожидания наконец-то оправдались. Чтобы меня поняли. Пожалели. Погладили по головке. Чтобы мне помогли.

И опять я ощутила это смутное, но вполне осязаемое предчувствие скорых перемен. Возможно, нечто подобное рано или поздно испытывают все — ты словно ловишь невидимую волну, которая подхватывает тебя и стремительно несет вперед. И эта пассивная роль «пассажира», сулившая очередные приключения и жизненные штормы, странным образом совсем меня не пугала. Наверное, потому, что жизнь наконец-то обещала сдвинуться с мертвой точки. Как угодно, с кем угодно, но — вперед!

— Мы и правда слишком увлеклись, простите, — с виноватой улыбкой спохватилась Мила. — На обработку тестов уйдет несколько дней, после чего мы свяжемся с вами по указанным в анкете координатам. Дадим вам адрес клуба, вы посетите пробное занятие — приглядимся друг к другу. Хотя уже сейчас могу сказать, что это — лишь формальность.

* * *

Через три дня наша нелепо расфуфыренная троица стояла перед железными воротами, скрывавшими территорию клуба. Вопреки ожиданиям, глаза нам никто не завязывал, об особой конспирации не извещал, на смене внешности не настаивал — Мила лишь указала адрес и время встречи. Искорка любопытства еще тлела внутри, но, похоже, на сей раз привычка невольно ввязываться в приключения меня покинула. Вот закон подлости —

именно в тот момент, когда я почти поймала желанную волну перемен!

Клуб располагался в самом центре города. Мы уверенно свернули по нужному адресу и... будто потерялись во времени и пространстве. Три современных, не лишенных рациональности и цинизма человека вдруг оказались в другом измерении. Между современных бизнес-центров и отремонтированных особнячков втискивался крошечный переулок. Полуразвалившиеся постройки, затянутые зеленой сеткой, но еще сохранившие следы былой красоты, причудливые граффити на стенах, по-весеннему свежее небо, не расчерченное привычными нитками кабелей...

— Уходящая натура. Атмосферненько, — первой вышла из ступора Анька и, томно закатывая глаза, принялась «пилить» селфи на фоне останков престарелого урбанизма.

Я же потрясенно оглядывалась, не в силах поверить, что в самом сердце крупнейшего мегаполиса еще сохранились такие уголки. И видимо, ненадолго, в этом подруга права — слишком лакомый клочок земли.

Нужный дом нашелся не без труда. Похоже, романтический флер старины совсем задурил нам головы, раз здание клуба мы отыскиали, лишь раза три основательно прочесав переулок. Точнее, самого здания мы так и не увидели. Проржавевший забор, на котором красовался старый полукруглый указатель с номером дома, обвивали ветки дикого винограда. Сейчас, в самом начале весны, на них еще не проклюнулись почки. Мне подумалось, что совсем скоро забор скроется за крупными пальчатыми листьями, и найти это местечко станет практически невозможно.

— Ух ты... По-моему, тут давно не ступала нога человека, — хихикнула Анька и, придирчиво оглядев композицию из веток, приготовилась запечатлеть на каме-

ру телефона оригинальный городской пейзаж. Ее порыв прервало еле слышное жужжание, и мы заметили между спутанными ветками зоркий глаз небольшой камеры. Металлическое око повернулось и нацелилось прямо на нас. В следующую секунду железные ворота неслышно — без малейшего лязга, который обязан был сопровождать всю эту древность, — раздвинулись, впуская нашу маленькую компанию во двор.

Забыв о несостоявшейся фотосессии, Анька застыла на месте, глядя на благородный серый особнячок в два этажа. Явно старый, но аккуратный и ухоженный дом напоминал изящную старинную шкатулку, спрятанную среди деревьев и кустов. Здесь было так комфортно и покойно, что мне вдруг захотелось стать частью этого места. Бывать тут хотя бы иногда. И плевать, что меня, похоже, ждет очередная тягомотина с потугами на психотренинг, кучка закомплексованных дуралеев и батарея тестов от неизвестного умника!

— Рада вас видеть! Наверное, пришлось поплутать? Даже бывалые члены клуба до сих пор не могут запомнить дорогу, — полетела к нам со ступенек Мила.

Она дружески приобняла нас, и я ощутила исходившую от ее миниатюрного тельца нервозность. Выглядела девушка по-прежнему приветливо, но в широко распахнутых глазах застыло всполошенное выражение — нечто подобное в книгах принято называть «как у испуганной лани». Неужели ее так взволновали Анькины фотопотуги?

Хмыкнув про себя, я поспешила войти — и тут клуб, о котором я еще толком ничего не знала, удивил меня второй раз. После мини-экскурсии по переулку, где прошлое, казалось, замерло навеки, я рассчитывала окунуться в ту же атмосферу старины: скрипучий паркет, раскидистые комнатные растения в больших кадках, тяжелые подсвеч-

ники, пыльные портьеры... Но внутри — по крайней мере, в холле — царила современная практичность.

— Подождите, пожалуйста, — мягко, но решительно остановила нас на пороге Мила. И, немного помявшись, кивнула на ящик стоявшего перед дверью стильного лаконичного комода. — Телефоны нужно оставить здесь. Надеемся на понимание: наш руководитель работает по авторской методике, уже не раз доказавшей свою эффективность, и ему хотелось бы избежать случайных утечек информации. Только не подумайте, что мы не доверяем клиентам! Просто вам захочется, например, сделать селфи, а на фото случайно попадет часть теста или, того хуже, лицо одного из участников программы, а у нас все анонимно. Не волнуйтесь, ваши вещи будут в целости и сохранности!

Достаточно было еле заметного кивка Милы, чтобы у комода тут же вырос дюжий молодец с непроницаемо тупым выражением лица. Он каменной глыбой встал на пост охраны, устремив невидящий взор в стенку. С одной стороны, доводы Милы звучали убедительно, да и вряд ли кто-то позарился бы на мой «супергаджет», выпущенный лет пять назад. Но, с другой... я всеми фибрами души ненавидела любые намеки на ограничение свободы. Если подобные «правила» начинаются буквально с порога, что же будет дальше? Нет, даже узнавать это не желаю!

Мои спутницы растерянно затоптались на месте, явно готовые уступить. Ах так? Раскол в наших рядах? Ну и ладно, пусть остаются, если их ничего не смущает! Презрительно фыркнув, я резко развернулась к выходу, горя желанием убраться отсюда поскорее и навсегда забыть обо всей этой псевдопсихологической чепухе! И... будто вросла в пол.

На меня смотрели огромные миндалевидные глаза. Глубокого синего цвета — хотя нет, такое определение

было недостойно скупым для столь потрясающего ультра-маринового оттенка. Эти глаза интриговали, пригвождали к месту, лишая возможности двигаться и сколько-нибудь связно соображать. Было в этом зрелище что-то... странное, не совсем мне привычное. Глаза, несомненно, принадлежали мужчине. И я могла пялиться на них сколько угодно, не боясь показаться неделикатной. Потому что смотрели эти глаза с огромного плаката.

— Твой клиент, — хихикнула рядом Анька.

Я оглянулась: подруга и Жизель тоже с любопытством разглядывали дивное фото. Громадный охранник по-прежнему стоял по стойке смирно, а вот Мила взирала на нашу мизансцену с плохо скрываемым неодобрением и... неужели страхом? Что же так не понравилось обычно приветливой барышне? Ее явно насторожил наш неподдельный интерес, хотя каких-то пять минут назад она сама в который раз восхищалась своим боссом — а в том, что глаза принадлежали именно ему, я почему-то не сомневалась.

На какое-то мгновение все пространство холла окутало атмосферой тайны. Это ощущение почти тут же испарилось, но я успела уловить явственно висевшие в воздухе вопросы. Слишком много вопросов. Во мне вдруг проснулся задавленный годами работы в низкосортном пиаре журналист — алчный до свежих фактов, жаждущий разворошить этот муравейник! Неугомонная интуиция подсказывала, что меня снова угораздило вляпаться в какую-то историю, — и на сей раз это странным образом воодушевляло.

Положа руку на сердце, при взгляде на плакат у меня появился еще один повод временно пожертвовать телефоном. Этот бестактный смешок подруги... Словом, Анька была права. Я всегда питала слабость к синеглазым мужчинам. «Комплекс Электры, — со вздохом объявляла моя “психологиня” всякий раз, когда я оживлялась при виде

очередного обладателя таких глаз. — Тебе нравятся мужчины, похожие на отца». Я раздраженно отмахивалась, но возразить не могла: у моего папы действительно были глаза того же цвета, правда, основательно поблекшие от проблем и прожитых лет.

Так или иначе, но мое последнее синеглазое увлечение закончилось разочарованием, и теперь меня так и тянуло познакомиться с героем плаката. Даже если все остальные части его анатомии были не столь впечатляющими.

— Я остаюсь.

При моих словах Анька грубо прыснула, а Жизель одобрительно кивнула. Мы покорно сдали телефоны халкообразному охраннику и поспешили вслед за Милой вглубь особняка. Все мои мысли сосредоточились на обладателе необычных глаз. Наверняка и сам мужчина был как минимум небанальным. А еще мне почему-то казалось, что именно эти глаза следили за нами через камеру у ворот.

Глава 2

«Не глупи, собирайся скорее! Я тебя жду», — в который раз настойчиво пискнул мессенджер. Анька. Я вздохнула — снова та самая ситуация, когда проще смириться и согласиться, чем объяснить, почему не пойдешь. А идти совсем не хотелось.

На сегодня было намечено очередное собрание клуба. Мы успели посетить уже две встречи — и разочарованию моему не было предела. Пресловутый руководитель — обладатель фантастических глаз и лекарь душ с десятком дипломов — так и не появился. Дружелюбно улыбаясь, Мила провожала нас в небольшой уютный зал, где мы и еще с десятка таких же жаждущих понимания попивали чаек, внимая ее речам о том, как губительны для личности обиды, как важно грамотно с ними работать...

Мне было откровенно скучно. Нет-нет, возможно, в другой ситуации я с любопытством послушала бы все эти рассказы об униженных и оскорбленных. Но чем-то подобным меня уже «потчевали» на многочисленных Анькиных тренингах. Сейчас мне требовалась эффективная и быстрая помощь — единомышленников, психолога, да кого угодно, лишь бы перестать глотать пачками успокоительное и заходиться в бессильной злобе при любом упоминании о семейной ситуации. Утром, просыпаясь от звона будильника после короткого нервного сна, я с тру-

дом разлепляла глаза — и тут же резко вскакивала, вспоминая о постигшем меня ужасе. А ночью, вымотанная тяжкими мыслями, ворочалась из стороны в сторону, представляя, как хозяйничают в моем — моем, кровном! — доме чужие темные люди.

«Хоть бы фотографии отдали, все ведь на помойке будет», — сокрушалась моя теперь уже навек, казалось, погруженная в печаль мама. Сердце разрывалось при виде ее слез, и я, отказавшись от съемной квартиры и самостоятельной жизни, вернулась к родителям. Теперь каждая из нас переживала двойную порцию печали, но мы хотя бы могли плакать и обсуждать наше унижение. Папа и вовсе погрузился в себя, вмиг состарившись и согнувшись под гнетом свалившейся обиды. Он все чаще молчал, уставившись невидящим взором перед собой, и в такие моменты у мамы язык не поворачивался произносить сакраментальное: «Я ведь предупреждала!»

А предупреждала мама о многом. Например, умоляла не устраивать на работу никчемную дочь Черной Вдовы, эту необразованную, амебоподобную, неблагодарную девицу. Но куда там! «Своим надо помогать», — торжественно изрек папа — и битых два года из собственного кармана платил бездушной наглой лентяйке. Ее мамаша, к слову, излишней тусклостью не страдала: сколько раз она, разинув то, что в просторечии именуется хайлом, «по-свойски» обрушивала на нас поток панибратских прозвищ, бестактных вопросов, нелепых обвинений...

— Леночка моя — молодец, крошки лишней не съест. Стройная, как статуэтка, не то что твоя, — случилось, бросала Черная Вдова моей маме за праздничным столом. — Отец твой рассказывал, как она брала белый хлеб, клала на ржаной — и могла за раз несколько таких бутербродов умять.

Дед, затюканный и уже немощный, только хлопал интеллигентными глазками, не в силах возражать. Да и что мог он, больной, попавший в зависимость от хамоватой тетки! Но от того, что слова «родственницы» были лишь плодом ее взбудораженного перспективой скорой наживы воображения, легче не становилось. Я с трудом подавляла закипавшую внутри ярость, а мама чуть не плакала. И мы терпели — ради деда, прежде всего. Терпели годами...

Поток невеселых мыслей снова прервал писк телефона. «Готова? Давай-давай, пошевеливайся, а то Марина нас в клочья разорвет!»

Интересно, как я, по Анькиному разумению, должна была собираться, если она все время отвлекала меня своими глупостями?

В намерениях Марины я даже не сомневалась. Кто-то, а она внимала речам Милы с усердием первоклассницы, даже записывала особенно удачные пассажи в блокнот с тем же узнаваемым монограммным узором, что и на ее сумке. Иногда я думала: может быть, нашей Жизели вполне хватает этого регулярного безобидного общения? Перекинуться с кем-то парой слов, побыть в обществе дружелюбно настроенных людей, да просто знать, что сегодня в семь вечера тебя будут ждать у переулка две приятельницы, — и достаточно для обеспеченной, но одинокой и явно скучающей тетки.

Меня же, пиарщика со стажем, трудно было удивить умными речами и красивыми презентациями. Посмотрела я пару картинок с плачущими детишками и орущими агрессорами — и что с того, как это помогло лично мне? Теряя нить рассуждений Милы, я нет-нет да и скользила взглядом по собравшимся. Совсем молоденькая девушка-тростинка, парень с выбритыми по-модному висками, дородная бой-баба с веснушками и волосами цвета соломы, а кто там в первом ряду... Кажется, я видела это-

го седовласого господина по телевизору. Актер? Музыкант? Нет, известный дирижер с каким-то помпезно-громким именем. И как его сюда занесло? Впрочем, даже этот всплеск любопытства не спас меня от очередного приступа зевоты.

«Вечно ты хочешь всего и сразу, потерпи», — постоянно делала мне внушения Анька, но ей плохо удавалось скрывать собственное разочарование. Где же обещанный эффективный метод борьбы с обидами? Где общая идея, призванная превратить нас всех в сплоченную группу единомышленников? Где индивидуально разработанные психологические программы? И где, черт возьми, красавец-руководитель?

«Ты там собралась? Я поняла, это работает твое сопротивление. Лень выходить из дома — и ты невольно копаешься, начинаешь опаздывать. Действует защитный механизм психики...» Это, разумеется, снова была Анька. В конце ее внушительной для мессенджера речи красовался смайлик — перекошенное от страха лицо с картины Мунка. Что ж, нечто подобное ждет нас с подругой при встрече с Жизелью, разъяренной нашим опозданием. Надо собираться.

Вздохнув, я махнула рукой на хваленое сопротивление, выпустив в пространство пару хлестких выражений. Если мне не избежать очередной скучной жвачки, выражу протест доступными мне средствами. Никаких больше каблуков-копыт, утягивающих платьев, сложных укладок! Чье воображение мне там поражать — этого величественного дирижера, из которого уже песок сыплется? Хватит, надоело!

Из шкафа полетели удобные кроссовки и светлые джинсы. Образ дополнили простой белый топ и джинсовая же рубашка, которую я стянула на поясе решительным узлом. Может быть, моя фигура и далека от идеала,

но хлеб с хлебом я никогда в себя не запихивала, и талия у меня точно есть!

Бросив взгляд в зеркало, я осталась довольна: волосы в художественном беспорядке рассыпались по плечам, минимум косметики, еле заметный и уже наполовину облезший лак для ногтей. Вот тебе, неугомонная Анька!

* * *

— Подождите буквально пять минут, скоро начнем, — с привычным надломленным видом трепетной лани, попавшей в контактный зоопарк, улыбнулась нам Мила. Сегодня сотрудница клуба держалась особенно загадочно, словно ее распирало от желания поделиться с нами важной информацией, но подходящий момент для этого еще не наступил.

Чинно прогуливаясь по просторному холлу, я в который раз пробегала взглядом по элегантному лаконичному интерьеру. Здесь царил комфорт: мягкие креслица так и приглашали отдохнуть после рабочего дня, а светлые спокойные тона радовали глаз. И снова везде наблюдалась эта патологическая аккуратность операционной. До конца расслабленной атмосфера клуба не была — возможно, благодаря тому шикарному плакату везде чувствовалось напряженное молчаливое присутствие харизматичного руководителя.

Наверное, во всем была повинна не в меру разыгравшаяся фантазия, но меня не покидала мысль о том, что герой плаката все это время находится в здании и негласно наблюдает за нами. Прямо (через камеры у ворот и в зале) и косвенно — изучая наши тесты и выслушивая отзывы Милы.

— «Большой Брат следит за тобой», — вполне предсказуемо сострила я, в который раз остановив-

шись напротив плаката. Это услышал седой дирижер — и вскоре другие участники программы, ожидавшие в коридоре, прысая, делились друг с другом удачным прозвищем. Моя случайная шутка странным образом сблизила нас, совершенно незнакомых людей, будто у присутствующих вдруг обнаружилось нечто общее. Мы стали хоть на йоту, но единомышленниками. В душе зародилась надежда: а вдруг клуб — не такая уж безнадежная затея?

Погрузившись в мысли, я и не заметила, как откололась от подруг и прошла вглубь холла. Передо мной оказался коридор, вдоль которого тянулись стильные световые панели. На безупречно чистых стенах между ними висели картины: фрактальные узоры, замысловатые и красочные, манили, будто водовороты. Казалось, еще немного, и одна из этих головоломок затянет меня внутрь, в самое неизведанное. Стало не по себе, но кого я обманывала: меня это безумно интриговало. Похоже, в стенах клуба я была обречена все время ощущать эту взрывоопасную смесь напряжения и любопытства.

Я прошла немного вперед, продолжая разглядывать эти спутанные узорчатые джунгли, и... споткнулась на ровном месте, изумленно разинув рот. Представшее передо мной творение выбивалось из общего стиля — никаких узоров, а вполне себе осмысленное полотно. Если, конечно, слово «осмысленное» было применимо к этой чудовищной кроваво-грязной мазне.

Немного отступив, я прищурилась и попыталась уловить суть композиции картины. Хаотично разбросанные здесь и там красные пятна создавали иллюзию движения, и, обладая хотя бы зачатками фантазии, можно было без труда ощутить эту зловещую динамику, словно на картину в режиме онлайн летели брызги крови. Внизу копились мелкие серые кляксы, в которых улавливались

очертания людей. Но все это служило лишь фоном для расположенной в центре тщательно выписанной темной фигуры.

Движимая любопытством, я подалась вперед, чуть ли не носом уткнувшись в холст. Ничего себе! Грудь загадочного монстра была рассечена, и из образовавшейся бездны, как из рога изобилия, вываливались внутренности. Руки чудовища оказались неестественным образом вывернуты — оно то ли манило к себе, то ли демонстрировало стекавшие с пальцев алые струйки. Скользнув взглядом вверх, к его голове, я похолодела. Лицо существа скрывал колпак палача. Но главное, в прорези на меня смотрели знакомые миндалевидные очертания. Не синие: один глаз был красноватым, другой — черным, будто всю радужку поглотил зрачок.

Я надолго застыла перед картиной, искренне пожалев, что на входе мы привычно сдали охраннику телефоны. Вот бы запечатлеть это нечто и потом, уже дома, спокойно рассмотреть в деталях! Впрочем, определение «спокойно» с этим творением совершенно не вязалось. Бога ради, во что я опять вляпалась? И кто автор этого, с позволения сказать, «шедевра»?

— Гений, — раздалось в то же мгновение у меня над ухом, и я, вздрогнув от неожиданности, узнала доброжелательный голосок Милы. Сейчас он звучал с восторженным придыханием. — Согласитесь же, он — настоящий гений! Наш руководитель... Помните, я говорила, что он разносторонне образован? В юности какое-то время учился в художественной школе. Ему прочили большое будущее в искусстве, но он все-таки выбрал психологию. Талантливый человек талантлив во всем! Великолепная картина, правда?

— Хм... Да... атмосферненько, — растерявшись, выпалила я дурацкое Анькино словечко.

Мила на мгновение потрясенно застыла, словно я только что подвергла поруганию святыню, а потом снисходительно, как маленькой, пообещала:

— Скоро вы убедитесь в его способностях. Без преувеличения, это — потрясающий человек. Ладно, пойдете, скоро начинаем!

Покорно позволяя Миле увлечь меня обратно в холл, я что-то невпопад буркнула, пытаюсь удержать нить разговора. Все мои мысли занимали картина и ее загадочный автор. Ничего не поделаешь, придется высидеть очередное скучное собрание, а уж потом придумая, как вывести об этом «таланте» побольше!

* * *

Прямо на меня смотрели синие миндалевидные глаза. Самые что ни на есть настоящие. Не такие ультрамариново-нереальные, как на плакате, но все-таки яркие и глубокие. Их обладатель стоял на небольшом возвышении, напоминавшем сцену, и скользил взором по собравшимся. На мне глаза задержались, кажется, чуть дольше, чем на остальных. Или я просто выдавала желаемое за действительное...

Минут пять назад нас привычно провели в небольшой зал. Едва мы заняли свои места, как Мила возвестила, что сегодня — необычный день. Мы все показали себя адекватными доброжелательными людьми, и результаты тестов подтвердили это впечатление. Мы терпеливо выдержали два вводных занятия, мы оказались такими хорошими и приятными, что настал черед познакомиться друг с другом поближе. Пробыл счастливый миг: сейчас, в этот самый момент, мы наконец-то встретимся с руководителем клуба!

Все на мгновение застыли в ожидании. Я машинально вскинула руку, чтобы поправить волосы, как делала

всегда при приближении интересного мужчины, — и ругнулась себе под нос, ощутив под ладонью растрепанную копну. Ну конечно, с моим вечным «везением» стоило ожидать чего-то в этом роде! Два раза я приковыляла сюда на ненавистных колодках, в мешавшем дышать платье, с аккуратно уложенными локонами — чувствовала себя законченной дурой, но выглядела-то шикарно! Зато именно сегодня мне нужно было выпендриться и прилететь в клуб растрепанной ведьмой. Что и говорить, закон подлости в действии!

А потом в зал вошел руководитель, и вся чепуха разом вылетела у меня из головы. Он оказался совсем не таким, как я себе нарисовала. Не то чтобы его нельзя было назвать красивым... просто при столь явной харизме красота человеку и не требовалась. Мне вдруг подумалось, что эти избитые книжные фразы вроде «Он заполнил собой все пространство» не так уж далеки от истины, когда речь идет о ком-то подобном.

Высокий, лет под сорок, с темными коротко стриженными волосами, резкими крупными чертами и длинным прямым носом, он источал власть и мощь, а раздувавшиеся ноздри создавали ему сходство с драконом. Синие глаза светились неподдельным интересом и мудростью. Черный свитер и черные же брюки плотно облегли поджарую мускулистую фигуру. От этого человека исходила аура силы, причем неоднозначной, словно он в равной степени был способен на искреннее участие и безжалостную месть.

Мне вдруг вспомнился папин шуточный отзыв об одном моем приятеле детских лет: «Он либо закончит за решеткой, либо станет большим человеком». Подобная харизма всегда идет рука об руку с ощущением опасности, ведь никогда не знаешь, на что употребит свое влияние очередной прирожденный лидер. Теперь я понимала, по-

чему сама атмосфера здесь держала в напряжении и безмерно интриговала — таково было воздействие личности создавшего клуб человека. И, судя по всему, улавливала это не я одна.

— О-о-о... какой офигенный мужик! — заерзала на соседнем стуле Анька, пихая меня в бок локтем.

В повисшей тишине ее шепот прозвучал неожиданно громко, и сидевшие рядом захихикали. Это разрядило обстановку и вывело всех из оцепенения. Психолог на сцене одарил нас уверенной улыбкой человека, полностью отдающего отчет в собственной привлекательности, и определил извинения сконфузившейся Аньки.

— Все в порядке. — Он успокаивающе вскинул руки. На одном запястье красовались массивные, явно недешевые часы. А вот на другом... Свитер немного вздернулся, и мне показалось, что я заметила какой-то темный узор, заканчивавшийся небольшим рисунком там, где обычно щупают пульс. Неужели татуировка? Интересно, что мог увековечить на своем теле такой оригинал? Да еще и без пяти минут доктор наук?

Снова обведя всех взглядом, он заговорил, ровно, доброжелательно и ободряюще.

— Друзья — надеюсь, вы позволите мне это вольное обращение, ведь я не сомневаюсь, что скоро мы по-настоящему сблизимся, — рад приветствовать вас в стенах нашего клуба. Меня зовут Евгений, я — практикующий психолог, одновременно занимаюсь научной деятельностью. — Он покосился на сидевшую у сцены Милу, ловившую буквально каждое его слово, и иронично добавил: — Как вы, вероятно, уже знаете.

Конечно, знаем. И не только по восторженным речам Милы, которая, похоже, была беззаветно, по-щенячьи предана боссу. Я еще не забыла журналистскую привычку перепроверять каждый факт и раскапывать ценную

информацию. Разумеется, я узнала у Милы фамилию нашего блестящего коуча и успела основательно прочесать интернет в поисках данных. Результаты вышли до обидного скудными. Прежде всего, я не нашла в Сети ни одной фотографии руководителя клуба, что, впрочем, лишней раз свидетельствовало о серьезности его работы: заботится об анонимности клиентов, себя напоказ не выставляет... Остальная информация касалась неизменно хвалебных отзывов о консультациях, его кандидатской диссертации — что-то заумное о поведенческих расстройствах — и научных статей. А еще нигде не проскальзывало ни намек на его художественные таланты — что, разумеется, было ему только на руку. Представляю, с какой скоростью разбежались бы его клиенты, улицезрея они того кровавого палача с одним зрачком!

— Отрадно видеть, что занятия решили продолжить несколько участников предыдущей группы. Все люди разные: кому-то хватило нашего прошлого короткого курса, кто-то присоединился к новой, дополненной программе — и правильно сделал! Приятно, что группа пополнилась новыми членами. — Евгений пробежал взглядом по нашей троице. — Давайте все быстро представимся и познакомимся, а потом, надеюсь, сможем лучше узнать друг друга.

— Здравствуйте, меня зовут Марина, — на правах старшей из нашей компании первой вступила Жизель. — Я узнала о клубе от знакомой, одной вашей клиентки, вы ей очень помогли — прямо-таки кардинальным образом изменили жизнь... Это что-то невероятное! И я... Я так надеюсь на вашу помощь! Слышала о вас много лестного, поэтому и подруг с собой привела. Нам так повезло попасть к вам!

Я не верила своим ушам. Голос Жизели звучал непривычно робко, с оттенком подбострастия. Сильно, види-

мо, нашу тетку прихватила обида, если обычно суетливая, энергичная Марина с трудом находила слова и захлебывалась от восторгов в адрес потенциального «спасителя». Анька что-то рассказывала о ее вечных проблемах на работе, где только и делали, что подсиживали да подставляли. Или... Я вдруг подумала о том, что Жизель, совсем как Мила, буквально растаяла от одного только присутствия психолога. Неужели ни одна из женщин не остается равнодушной к его чарам?

На Аню, понятно, надежды уже не было. Оправившись от допущенного в начале собрания ляпа, подруга переняла эстафету у Жизели и выдала за один раз рекордно глупое количество абсолютно ненужной информации.

— Я — Анна. — Она томно закатила глаза. — Мне нужно прийти в себя после одной неприятной... м-м-м... личной истории. Знаете, некоторые люди совершенно не ценят хорошего отношения! Не ценят тех, кто рядом... Мне надо отпустить ситуацию, перестать волноваться о тех, кто этого недостоин. Разумом-то все понимаю, а эмоции берут верх. Надеюсь, вы мне поможете. И, кстати, я — тоже психолог, десять лет стажа! Может быть, мы с вами еще вместе поработаем...

— Обязательно помогу. И обязательно поработаем, — многообещающе подмигнул Евгений, и этого хватило, чтобы Анька задохнулась от счастья.

Да что же с моими спутницами такое творится! Да, отпадный мужик, брутальный, с юмором и, видимо, недюжинным характером. Способный на поступок. И неглупый, мягко говоря. Большой оригинал. Картины какие пишет... Я, может, тоже не прочь познакомиться с ним поближе. Но так откровенно терять голову и заискивающе бляеть в его присутствии? Нет уж, увольте! Я всегда упрямылась, когда речь шла о слепом преклонении перед авторитетами, — годы учебы, а потом и не самой простой

работы научили меня тому, что больше всего важничают и раздувают щеки те, у кого за душой пусто.

Синие очи остановились на мне — уже не в первый раз.

— Теперь — вы, девушка в джинсах, — ослепительно улыбнулся наш герой, и я невольно покраснела, словно он точно знал, что стояло за моими метаниями с одеждой. Впрочем, чему тут удивляться? Наверняка все это время он наблюдал за нами через камеры и вполне мог догадаться, что к чему. — Ну же, смелее! Можете называть меня Большим Братом, если угодно. А что, мне нравится! Или придумайте другое прозвище, похлеще, а остальные с готовностью подхватят! Вперед, неужели идеи иссякли? От вас я стерплю все что угодно.

Он залиvisto расхохотался, вскинув ладони, будто сдается, и мои щеки обдало жаром. Значит, руководитель клуба был в курсе всего и, видимо, на самом деле следил за нами. Но гораздо больше меня занимала другая — совсем уже бредовая — мысль. Его игривый тон и жесты, обещание стерпеть... Он что, флиртовал со мной?

— Как это иссякли? Другое прозвище? Да пожалуйста, — мгновенно ухватилась за вызов я и, пытаясь задвить в себе остатки смущения, вальяжно откинулась на стуле. Меня, человека азартного, не следовало брать на слабо. Секунда на раздумье — и вуаля, получите и распишитесь. — Я буду звать вас Гений-Евгений. Или лучше просто — Гений, зачем нам имена? Тем более все здесь от вас в таком восторге, никто не будет возражать.

— Отлично! — Нисколько не обидевшись на мое безобидное подтрунивание, он одобрительно вскинул вверх большой палец и опять засмеялся.

Я неплохо разбиралась в людях, и сейчас мне показалось, что лесть, даже с шутливым оттенком, легла на благодатную почву.

— Но в таком случае и мне следует отплатить вам той же монетой. Придумать что-нибудь по-настоящему достойное такой оригиналки. Как ваше имя?

— О, придется вас разочаровать. — Я и сама не заметила, как тоже перешла на характерный игривый тон. — Меня зовут Рита. Просто Рита.

— Ничего себе «просто»! — фыркнул он и, разведя руками, обратился к присутствующим. — Будь я писателем, в моей книге была бы красивая роковая женщина Маргарита, одним своим появлением разрушившая благополучную жизнь героя. Посудите сами, друзья: у Булгакова — Маргарита, у Гете — Маргарита... Даже на картинах Пирсони — Маргарита! «Рита», согласен, звучит простовато. Я буду именовать вас «Маргарита». Или «Марго», в этом есть известное изящество.

— А мне нравится «Рита», — вдруг раздался за моей спиной незнакомый мужской голос. Приятный баритон звучал упрямо и несколько развязно, словно его обладатель взялся нарочно перечить Гению, и неважно, по какому вопросу. — От этого имени веет чем-то спокойным, уютным. В моей семье хранится кукла Рита, еще, кажется, бабушкина. Милое пухлое розовощекое создание в растрепанных завитушках. А ты говоришь — «роковая»! Еще психолог! Фу, если ты и гений, то точно злой!

— Вот и наш Алик подал голос, прошу, дамы, любить и жаловать. Душа компании, давний друг нашего клуба, весельчак и балагур. Обожает троллить меня по любому поводу, так что привыкайте, — отрекомендовал Гений, приветливо отсалютовав рукой человеку за моей спиной.

Видимо, я тоже попала в сети очарования харизматичного психолога, раз совершенно не заметила, что сзади кто-то уселся. Кто-то чрезвычайно наглый, раз позволил себе выражения «пухлая» и «растрепанная» применительно ко мне!

Сгорая от любопытства, я обернулась, и в глаза мне бросились... ботинки. Вполне себе добротные большие черные ботинки, беззастенчиво стоявшие прямо на стуле. Подняв взгляд, я увидела богомного вида парня, который сидел в небольшом отдалении ото всех, на подоконнике, с удобством вытянув ноги на ближайшее сиденье. Растрепанные темно-русые волосы спускались до плеч, подбородок оттеняла легкая щетина, но, главное, на меня с любопытством смотрели красивые фиалковые глаза, обрамленные длинными черными ресницами. Впору было взяться за перо и придумывать оригинальные эпитеты чужой внешности. Он на кого-то похож... На какого-то красавчика, рок-звезду! Да что ж такое — в этом клубе число привлекательных мужчин на квадратный метр зашкаливало!

— Еще один, — ожидаемо хихикнула у меня над ухом Анька, и Жизель шумно выдохнула, раздраженная тем, что мы невольно отвлеклись от речи Геня.

Меня же мгновенно заинтриговал новый персонаж, этот парень, который не боялся перечить, пусть и в шутку, признанному авторитету. Да еще и общался с ним на «ты», причем в столь фривольной манере. Видимо, один из участников предыдущих тренингов — хотя при всей своей фантазии я и представить не могла, какая проблема привела сюда столь легкомысленного с виду человека. Такому все должно быть по барабану.

— Итак, продолжим наше общение, — возвестил Геня, успокаивающе глядя на Жизель, отчего та мгновенно приободрилась.

Остальные участники группы тоже представились, кратко поведав, от кого узнали о клубе и в какой раз сюда пришли. Лишь Алик беззаботно отмахнулся от объяснений — мол, хватит приставать, еще не готов откровенничать. Остальные тактично не стали настаивать на ответе.

Будто демонстрируя, что со всеми церемониями наконец покончено, психолог спустился со сцены в зал. Подхватив свободный стул одним ловким движением, он развернулся к нам, расположившись полукругом, и уселся, деловито уперев ладони в колени. Мила тут же вспорхнула со своего места и вскоре вернулась с подносом ставшего уже привычным травяного чая.

— Друзья, сегодня вы много говорили о надеждах, которые связываете с работой нашего клуба. Это, безусловно, накладывает на нас дополнительную ответственность. Но и от вас кое-что потребуется. Наши совместные усилия — залог успеха этой психологической программы, — серьезно изрек Гений. — В клубе действуют определенные требования — ничего сложного, вы все уже убедились в этом на примере правила по поводу телефонов. Прежде всего, у нас царит предельная откровенность — договорились? Из этого следует, что все мы должны обеспечивать конфиденциальность. Ни слова из того, что будет произнесено в стенах клуба, не должно утечь вовне. Этика, сами понимаете... Это в ваших же интересах. На камеры не обращайтесь внимания, они требуются для безопасности и не пишут звук, вы можете лично убедиться в этом на посту охраны, куда передается «картинка». Что бы ни случилось, держимся вместе, помогаем друг другу — всем, чем только можем. И, разумеется, слушаемся меня.

Последнее было произнесено уже со смешком, но мне показалось, что Гений не шутил. Резон в его словах был. Любой компании, даже самой маленькой, не помешал бы человек, создающий атмосферу, сплывающий, знающий, как действовать. Отвечающий за всех и за все. И он идеально подходил на эту роль. Не говоря уже о том, что клуб был его детищем, и, судя по всему, любимым. Кстати, а почему он вообще создал нечто подобное, почему помогает другим — практически бескорыстно?

Именно этот вопрос, занимавший меня оставшуюся часть встречи, я и задала в самом конце, когда Гений предложил уточнить все, что нам интересно.

— Если вы, Марго, хотите знать, не кроется ли за этим какая-то личная история, мой ответ — да, — кивнул он. — Я обязательно ее расскажу — честно, ничего не приукрашивая. Но... сначала нужно дать слово всем вам. Именно этим мы и займемся в следующий раз. Приходите, не пожалеете!

Гений одарил меня обворожительной улыбкой, тепло попрощался с собравшимися и поспешил удалиться. Все какое-то время еще сидели на местах, находясь под впечатлением от собрания и, главное, от человека, который его провел. Потом поднялись и засобирались к выходу.

Я рассеянно кивала в ответ на бессвязные восторженные реплики Аньки, не в силах вникнуть в их смысл, — сейчас мне было трудно сосредоточиться.

На выходе мы получили телефоны и уже были на пороге, когда кто-то вдруг окликнул меня сзади:

— Рита! Подожди!

Помедлив, я обернулась и увидела спешившего ко мне Алика. Подруги прошли вперед, деликатно пообещав подождать меня у ворот. Вопросительно глядя в смешливые глаза нового знакомого, я вдруг вспомнила про пухлую куклу с растрепанными волосами и бросила, не скрывая раздражения:

— А что, мы успели перейти на «ты»? На брудершафт, кажется, еще не пили.

— Так давай выпьем, в чем проблема? — тут же отреагировал он, несколько не смутившись. — Собственно, именно это я и хотел предложить. Посидим где-нибудь, пропустим по бокальчику, поужинаем, узнаем друг друга получше. Ты как?

Звучало соблазнительно. Провести остаток вечера в компании веселого красивого парня, а еще, возможно, узнать историю, которая привела его сюда, и, главное, выведать что-то интересное о клубе...

Но на меня вдруг навалилась безмерная усталость, разум словно окутало туманом. Яркие впечатления, стремительное, как в калейдоскопе, развитие событий, новые люди — всего этого было слишком много для какой-то пары часов... Я должна была спокойно разложить все по полочкам в своей голове. Способность мыслить здраво мне сейчас не помешала бы. Потому что пелену сознания вдруг прорезала ясная мысль: поддайся я на уговоры, и этот ужин рискует безрассудно перетечь в совместный завтрак. А нужно ли так все усложнять?

— Предложение, конечно, заманчивое. Спасибо... Алик, да? — Я прекрасно помнила его имя, но зачем давать понять, что он произвел на меня впечатление? — Извини, но сегодня не получится, я страшно устала. Обязательно пообщаемся в другой раз, обещаю!

Алик понимающе, хотя и не без легкой досады, кивнул, и я, попрощавшись, повернулась к двери. На меня взглянул знакомый плакат с бездонными синими глазами. Удивительное все же место этот клуб! За какой-то вечер я стала объектом внимания двух небанальных мужчин, уловила ореол буквально летавшей по здешним коридорам тайны и, похоже, невольно втянулась в очередную авантюру...

Уже выходя из здания на весенний прохладный воздух, я вдруг поймала себя на мысли, что напрочь забыла о терзавших меня переживаниях.

Глава 3

Прозвище «Гений» с моей легкой руки прижилось. На новой встрече оно не сходило с уст собравшихся, которые нетерпеливо прохаживались перед дверями зала в ожидании начала. Алик пока не появился, что было мне только на руку. Нет-нет, я с удовольствием пообщалась бы с ним, если бы не вынашивала хитроумный план. Мне хотелось снова скользнуть в коридор с кошмарной картиной и пройти его до конца. Наверняка там было что-то интересное — какие-нибудь двери, кабинеты или, оборони Создатель, другие подобные «шедевры»... Там точно таились какие-то загадки!

Но шанса повторить прежний подвиг не подворачивалось. У входа в коридор будто нарочно ошивался дюжий охранник, да и Мила окружила нас приветливым вниманием, умудряясь вовлечь в разговор всех и каждого. Сегодня наша хрупкая помощница выглядела усталой и надломленной, но старалась доброжелательно щебетать с усердием человека, не привыкшего посвящать в собственные проблемы окружающих.

Наконец двери маленького зала распахнулись, и мы расселись перед невысокой сценой уже привычным полукругом. За минуту до начала откуда-то материализовался запыхавшийся Алик. На сей раз он не стал вскакивать на подоконник, а с размаху плюхнулся на свободный

стул справа от меня. Это и порадовало, и огорчило. С одной стороны, от присутствия Алика, со всем его богемно-растрепанным видом, странным образом веяло чем-то приятным, сильным, надежным. Словно это на сто процентов «мой» человек, словно теперь мы, что называется, «в одной лодке». Словно у нас с ним что-то будет... С другой стороны, эта демонстрация легкого намека на близость казалась мне поспешной. И, положив руку на сердце, не хотелось терять внимание нашего харизматичного Геня.

А тот между тем вошел в зал уверенной поступью, сияя ободряющей улыбкой. Обвел взглядом всех своих новоиспеченных подопечных, и при виде нас с Аликом уголки его крупного чувственного рта иронично вздернулись. Нет, наверное, показалось... В следующее мгновение губы Геня снова приветливо растянулись, но я на всякий случай отодвинулась от своего «воздыхателя» дальше.

— Друзья, давайте поговорим сегодня о том, что привело вас в стены клуба. — Гений не поднялся на сцену. Он вновь поставил стул перед нами, но не сел, а стал прохаживаться вдоль рядов. — Обиды, оскорбления, унижения, пренебрежение, умаление достоинства — нечто подобное происходит с нами чуть ли не каждый день. Иногда достаточно просто выйти на улицу или сесть в общественный транспорт в час пик. Мир, как известно, несправедлив, и мы привыкаем пропускать многое мимо ушей, чтобы не захлебнуться в этом потоке грязи. Но некоторые подобные ситуации — и создавшие их люди — проезжают по нашим жизням как катком. Они влияют на нас, наше настроение, наши устремления — они нас меняют, зачастую — самым радикальным образом. И в какой-то момент ловишь себя на мысли, что унижение стало частью твоего существования, что до конца дней своих ты

обречен терпеть слезы, боль, навязчивые мысли о своей никчемности... Не жить полной жизнью — терпеть.

Да, все верно. Америку Гений не открыл, лишь удачно облек мои — и, видимо, всех присутствующих — мысли в форму. Важно было не что именно он сказал, а как. Со знанием дела, с полным проникновением в суть проблемы. Впрочем, что тут удивительного? Он ведь уже намекал, что за созданием клуба крылась какая-то личная история. Вот как раз ее, эту историю, мне и хотелось бы узнать!

— Зачастую речь идет и вовсе об одной ситуации, губительно сказавшейся на нашей жизни. Об одном человеке. И человека-то, возможно, уже на этом свете нет, и история произошла много лет назад. Друзья, положи руку на сердце, — нас обвели горящие энтузиазмом синие глаза, — сколько раз вы, делясь своей проблемой, слышали в ответ что-то вроде: «Это было сто лет назад, сколько можно вспоминать!»? Или еще хлеще: «Не оправдывай свои неудачи былыми трудностями»? А то и: «Пора забыть», «А ну-ка, соберись, тряпка!»? И так далее и тому подобное...

Эмоционально и артистично с нами говорила сама харизма этого необычного человека. Видимо, благодаря профессии я не только проникалась его речью, но и оценивала ее отстраненно — анализировала тон, откровенность, эмоциональную окраску. Эта экспрессия и глубокое, подкупающее знание вопроса представлялись прямо-таки идеальными для подобного рода выступлений. Неудивительно, что аудитория слушала психолога вдохновенно, а Жизель по привычке что-то помечала в блокноте.

— Итак, мы варимся в этом годами, наша жизнь катится по наклонной, мы унижены и несчастливы. Мы — жертвы, мы тащим на себе этот груз и только «собираем» все новые и новые обиды. А источник нашего унижения

живет где-то преспокойно и в ус себе не дует. Или — еще лучше — стрижет с этой ситуации купоны.

На этих словах Геня я не удержалась от согласного кивка. В точку, моя ситуация!

— И как же тогда поступить, спросите вы меня? А еще лучше — давайте я спрошу об этом вас. Как вы справляетесь с обидами?

— Почему бы и в самом деле не махнуть на все рукой, не послать куда-нибудь подальше? — Это, разумеется, тут же высказался Алик.

Я пристально взглянула на него: похоже, парень и правда взял на себя роль эдакого вечного антагониста Геня, который специально скрашивает занятия репликами по поводу и без. Может быть, он — такой же сотрудник клуба, как и Мила, только негласный? Договорились устраивать здесь представления, чтобы заинтриговать и подцепить нас, любопытных, на крючок? Ух-х, и разыгралась же у меня фантазия!

Алик между тем продолжил:

— Я понимаю, моя же история и опровергает мои слова. Но возможно, иногда надо сделать над собой усилие — и приказать себе забыть. Ты, наш злой Гений, вряд ли это одобришь, но... Однажды я встретился со своим обидчиком, услышал его версию событий и... знаете, я его понял. Человека, разрушившего мою жизнь. Понял! Вот что это такое, а?

— Что-то сродни стокгольмскому синдрому, — упрямая ответ психолога, авторитетно выскочила Анька. — Я как-то анализировала свою историю, поступок предавшего меня человека. Не поверите — в какой-то момент я ему даже посочувствовала, осознала свои ошибки! Хотя это, конечно, все равно его не оправдывает.

Гений внимательно слушал обмен мнениями, довольный тем, что завязалась дискуссия. Но потом, когда еще

пара человек высказалась в духе «работать над собой, чтобы отпустить обиды», поскущнул и разочарованно вздохнул.

— Понять и простить. Забыть. — Последнее слово он произнес издевательски, с расстановкой, словно пробуя его на вкус. Потом на какой-то миг погрузился в раздумья и тут же оживился, словно нашел нужные слова. — А что, если забыть не получается? Просто представьте себе такую ситуацию. Ладно, есть родные и друзья, но они не всегда способны помочь. Есть психологи, но и они — лишь люди, которым не все под силу. Как быть, если обида не оставляет? Хорошо давать советы, когда они касаются других. А что делать с самими собой?

Я понимала его как никто. Собственно, именно поэтому я и сорвалась на ни в чем не повинную Аньку в тот день, когда она рассказала мне о клубе. Нервы сдавали у меня и раньше — на том бесполезном психологическом тренинге. Еще — несколько раз в компании людей, пытавшихся из лучших побуждений увещевать, успокаивать, встряхивать. Да что они понимали! Я пока не знала, в чем заключается суть программы Геня, но, положив руку на сердце, его речи не вызвали у меня обычного раздражения. И я с любопытством ждала, что же будет дальше.

А он между тем в который раз задумчиво прошелся между рядами и остановился рядом с седовласым дирижером.

— Рудольф Карлович, — уважительно обратился Геней, молитвенно сложив перед ним руки. — Вы были участником предыдущей группы, я прекрасно помню ваш случай. Давайте-ка избавим молодых людей от иллюзий, расскажем им, что забыть не всегда получается? У вас яркая, необычная, но такая показательная история! Это будет полезно — и им, и вам. Ну же, не переживайте, я рядом и готов помочь.

Последние слова Гений произнес прямо-таки с сыновней учтивостью. Все-таки наш лидер не зря занимался своим делом — я уже успела оценить, как мастерски находил он «ключики» к общению с разными людьми, как безошибочно угадывал, с кем можно пошутить, а кого нужно ободрить. Не удивлюсь, если после первой встречи каждая женщина ушла с осознанием того, что ее достоинства наконец-то оценили. В его обращении к дирижеру сквозило искреннее почтение и... как бы это назвала Анька?.. Да, эмпатия!

Сейчас мы, похоже, подошли к тому самому моменту группового занятия, когда один из участников должен встать и произнести сакраментальное: «Здравствуйте, меня зовут так-то, и я — несправедливо оскорбленный». Набившее оскомину, растиражированное множество раз в фильмах и книгах действо. Психологу в таких случаях полагается состроить участливую мину и с уморительной серьезностью отозваться: «Вы хотите поговорить об этом?» Фарс, не иначе!

Но дирижеру было не до циничных ухмылок. Он поднял голову, встретившись взглядом с Гением, и от этого простого движения неожиданно повеяло безоговорочным доверием и нестерпимой душевной болью. Какое-то время старик сидел как изваяние, будто не в силах произнести ни слова, а потом решительно тряхнул седыми бетховенскими кудрями и поднялся. Все присутствующие обратились в слух, и на время я забыла о том, что больше всех остальных историй меня интересовала тайна самого Гения...

* * *

— Это произошло много-много лет назад, так долго не живут, — вымученно улыбнулся дирижер, подыскивая слова. — Я приехал из своего прибалтийского города

в... Ленинград... тогда еще Ленинград... поступать в консерваторию. Послевоенные годы, бедность, неустроенный быт, но при этом — юность, надежды, вдохновение... Дома мне прочили блестящее будущее пианиста, но я в ту пору ни о какой карьере и не помышлял. Ха, карьера! Да в мое время и понятий-то таких не знали...

Начав медленно, с явной неохотой, дирижер постепенно увлекся и углубился в воспоминания. Теперь перед нами стоял не сгорбленный печалью старик, а почтенный титулованный артист, который вполне мог бы посоревноваться в харизме с самим Гением. Он размашистым жестом отбросил со лба непокорные седые пряди, и перед нами предстало вдохновенное лицо оратора.

— Педагог, занимавшийся со мной долгие годы еще там, в Нарве, наказал мне обратиться в Ленинграде к своему давнему приятелю, известному в ту пору композитору. Не буду называть имен, вы все его знаете... Тот самый, автор знаменитого советского цикла песен о весне, юности и прочей чепухе... Там-та-рам-та-рам-па-рам...

Стоило ему немного напеть, как все согласно закивали. Помнится, эту оптимистичную песню мы с Анькой старательно тянули на занятиях в школьном хоре.

— Я и обратился... на свою голову. Тот радушно принял меня, я весь вечер играл ему свою музыку. Да, в те годы я кое-что сочинял — легкие мелодии...

Глядя перед собой невидящим взором, дирижер задумчиво пробежал пальцами по воздуху, словно пробовал ноты на ощупь. Гений стоял поодаль, у места Милы, и, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за самым пожилым участником собрания. Мы же невольно подались вперед, чтобы не упустить ни одну деталь рассказа.

— Я поступил в консерваторию — сам, без «мохнатой лапы», как принято сейчас говорить. Мой новый знакомый, этот известный композитор, преподавал там же, но

старательно делал вид, что в глаза меня никогда не видел. Я ничего не заподозрил — решил, что он не хочет афишировать наше знакомство, чтобы не обвинили в кумовстве. Окунулся в учебу, буквально дневал и ночевал у инструмента! И однажды, в один ничем не примечательный день, когда мы с соседями по общежитию перехватывали что-то на кухне, мой сокурсник включил радио. И знаете, что я услышал? Одну из своих мелодий! Немного измененную, аранжированную, соединенную с веселеньким текстом и женским вокалом — но все-таки свою музыку! Представляете, что я почувствовал?

— Еще как! — громко охнула Жизель, всплеснув руками. — И что же вы? Надеюсь, не стали молчать и отсиживаться в уголке, пошли качать права?

— По части качания прав я, конечно, тот еще мастер... — потерянно улыбнулся дирижер. — Но вы правы: я, разумеется, не мог этого так оставить. Отправился к «покровителю» домой, но домработница — мы в ту пору голодали, а у него была домработница! — меня и на порог не пустила. Дежурил у его подъезда, бегал за ним по всей консерватории. От переживаний лишился сна, с ума сходил, сначала скандалил, потом впал в уныние, думал, может, случайно так вышло... Разве знаменитый человек, обласканный властью и любовью публики, мог опуститься до банального воровства? Придумывал ему оправдания — почему-то мне так было легче...

— А это тоже сродни стокгольмскому синдрому, — вклинилась в паузу моя неугомонная подруга, бросив многозначительный взгляд в сторону Гения, мол, «Мы-то с вами знаем!». — Унижение оказалось непосильной ношей, и вы, сами того не понимая, прибегли к механизму психологической защиты. Стали подсознательно идентифицировать себя с агрессором, искать извинения его поступку. Что скажет наш психолог? Я права?

— Безусловно, — с полуулыбкой кивнул Гений, и подруга просияла, словно прилежная первоклассница в ответ на похвалу учителя. — Если так и дальше пойдет, я буду называть вас Анной Фрейд.

Анька захихикала, гордясь тем, что единственная из присутствующих — не считая Милы — до конца поняла его шутку. Подруга наклонилась ко мне, чтобы объяснить смысл, но Гений с ироничной укоризной приложил палец к своим губам, предлагая сосредоточиться на рассказе. Все это время дирижер, казалось, витал где-то в своем мире, но наконец очнулся и продолжил:

— Он удостоил меня вниманием лишь раз. Посмотрел сверху вниз, как на пигмея, — до сих пор не понимаю, как этому шмакодявке удалось нечто подобное, при моем-то росте! — и спокойно разъяснил, что знать меня не знает, моей музыки никогда не слышал, а если его песня и похожа на мою мелодию, то еще неизвестно, кто у кого заимствовал. Вот как — «заимствовал»! А напоследок посоветовал угомониться, иначе пулей вылечу из консерватории. Вздумаю добиваться справедливости — что ж, мое право. Только кому поверят скорее — прославленному композитору или прыщавому юнцу? Рудольфу! Да еще и Карловичу! Пожившему, кстати, в годы войны на оккупированной территории. Пусть и совсем маленьким, но факт, виноват! Встаньте на мое место — ну как быть? Он — о-го-го, а я — ноль без палочки, пустое место, никто... Как-то мой внук это по-современному называет...

— Ноунейм? — тоненько пискнул кто-то из собравшихся.

О, это подсказала девушка-тростинка, подав голос впервые за все время, проведенное нами в стенах клуба. Видимо, история дирижера тронула и совсем юную аудиторию. Какая крошка, еще подросток... Кстати, а почему

она здесь одна, разве на подобные мероприятия несовершеннолетних не должны сопровождать родители?

— Как-как? Ноунейм? Не знаю, может быть... — отреагировал на смутно знакомое словечко пожилой дирижер и развел руками. — Я смирился. Насколько это вообще было возможно, ведь песня звучала, как сейчас говорят, из каждого утюга... Совсем перестал слушать радио, ходить на современные концерты — боялся услышать еще одно свое «заимствование». Так и не знаю, может быть, тот мерзавец еще что-то украл. Вот, собственно, и вся история. Кроме того, что мне стало трудно играть. Видел фортепиано — и трясло всего. Перевелся на дирижерское отделение — так там мы тоже не отходили от инструмента. Представляете мои мучения?

— Вы так больше ничего и не написали? — спросил кто-то из малознакомых мне пока участников тренинга.

— Нет. Не смог. И все свои ноты уничтожил. Но знаете, что меня спасло? — Лицо Рудольфа Карловича просияло. — Музыка! Вот так. Я погрузился в классику, раздобыл книги по оркестровке, стал разбирать партитуры. Постепенно на меня обратили внимание, я много работал в провинции, потом позвали в Москву, а в девяностые стали приглашать за границу. Получив известность, я обещал себе никогда не браться за произведения современных композиторов. До сих пор держу слово — и горжусь этим! Мало ли... вдруг они тоже что-то у кого-то «позаимствовали»? Только Моцарт, Чайковский, Прокофьев — им я верю!

Вымотанный рассказом, пожилой дирижер с облегчением опустил на стул, сделав глоток принесенного Милой чая. Мы помолчали пару минут, «переваривая» услышанное, а потом, словно по невидимому сигналу, затараторили все и сразу. Анька настаивала на отдельном курсе психотерапии для дирижера, Марина советовала

проклясть семью обидчика до седьмого колена, Алик и во все посылал плагиатора ко всем... куда подальше. Мне же непременно требовалось знать, восторжествовала ли справедливость — пусть и спустя годы!

Гений вышел на свое привычное место перед рядами и помахал руками, призывая нас успокоиться. Не без труда восстановилась тишина.

— Рудольф Карлович, от души благодарю вас, я понимаю, как непросто вспоминать о чем-то подобном. Ваш рассказ — лучшее подтверждение того, что срока давности для таких переживаний нет. Вы говорите, что смирились. Но само ваше присутствие здесь, в психологическом клубе, опровергает эти слова.

Дирижер помедлил, запустив пальцы в седые пряди и будто решая, стоит ли снова беречь былые раны. Потом энергично потрянул головой.

— Ваша правда, Женя, ваша правда! Кого я обманываю? Я до сих пор редко слушаю радио и почти не смотрю телевизор — как-то случайно попал на передачу о «великом композиторе, который скрашивал унылую советскую действительность светлыми мелодиями». А недавно ко мне пришел внук... он учится в музыкальном колледже. Хотел, чтобы я проверил написанную им речь. Его попросили выступить на каком-то концерте студентов с небольшим рассказом обо мне. Обычная история: дед — известный дирижер, внук тоже решил связать жизнь с музыкой. И знаете, что написал мой умник? Что-то вроде «дедушке посчастливилось учиться у одного из лучших композиторов тех лет, который щедро и бескорыстно делился...». И все в таком духе. Меня чуть удар не хватил. Возможно ли большее унижение?

Никто из нас не решался нарушить повисшее гнетущее молчание. А он сильный человек, этот седой старик, вдруг подумалось мне. Не ушел из музыки, а добил-

ся успеха, пусть и на другом поприще. Подумать только, каждый божий день он варился во всей этой творческой «кухне» — и не мог не вспоминать о давнем обмане! Каждый божий день. Сущая пытка.

Словно подслушав мои мысли, Рудольф Карлович резко закивал, пытаясь убедить самого себя:

— Надо забыть. Да, забыть. Сколько можно — бессонница, неотступные мысли, от которых мне плохо, физически плохо! И ничего не поделаешь. Тот мерзавец умер. Похоронили с почестями, теперь память чтут по каждому удобному случаю... А мое унижение живо. И я — как в тюрьме. Меня даже лишили свободы ненавидеть. Свободы презирать. Свободы сказать о подлеце, что он — подлец. Ведь, как известно, «о мертвых либо хорошо, либо ничего».

— ...кроме правды, — неожиданно продолжил Гений. Какие-то два слова — но он произнес их с убийственной жесткостью, заставив меня похолодеть. — Не все знают, но именно так на самом деле звучит это изречение: «О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды». Некоторым людям, видимо, легче забыть. Запретить себе вспоминать. Погрешить против истины. Простить.

Гений обхватил себя руками и постоял, укоризненно качая головой. Потом вдруг сорвался с места и решительно прошагал к концу первого ряда, на котором сидела та самая худенькая девушка, специалистка в области молодежного сленга.

— Юлечка, можно тебя попросить, — мягко, как к ребенку, обратился к ней Гений. — Давай покажем нашим друзьям, что есть вещи, которые простить невозможно. Выйди, пожалуйста, к доске, нарисуй себя.

Он произнес это доверительным и в то же время интригующим тоном, будто на самом деле имел в виду нечто вроде: «Давай покажем этим взрослым наивным дядям и тетям наш любимый фокус».

Девочка покорно поднялась на сцену, где услужливая Мила, повинуясь малейшему движению брови своего босса, уже включила большую интерактивную доску. Взяв маркер, Юлечка в три штриха набросала абрис фигуры. Видимо, она ослышалась или просто не привыкла рисовать на такой доске, потому что фигура получилась огромной.

— Вот, — одобрительно, с торжествующим видом кивнул Гений. — Вся история — в одном рисунке. Юлечке двадцать семь лет. Обычная история: полная девочка, травля в детстве, как следствие — пищевое расстройство. Булимия, анорексия — адская смесь и такая распространённая! Обидчики давно выросли, некоторые, судя по соцсетям, стали гораздо полнее нее — той, прежней. Но у них все в порядке! Работают, женятся, рожают детей. А у Юли — полный набор проблем со здоровьем, и не только физическим. И что, это можно простить? Рудольф Карлович, это нужно забыть? Алик, их достаточно просто послать подальше?

Я не верила своим ушам. Двадцать семь лет — а я-то приняла ее за подростка! Положим, у меня тоже были проблемы с весом — и с детскими дразнилками. Но переживать так сильно? Хотя чему я удивляюсь, все люди разные. Возможно, у Юлечки тонкая душевная организация. Кстати, а не подвергает ли ее Гений ненужным переживаниям? Что-то жестковато для психолога...

Юлечка так и стояла у доски — послушно, не выражая никаких эмоций. Наверное, девчонку успели основательно напичкать какими-нибудь антидепрессантами. Гений подошел к ней и заключил в объятия, нашептывая на ухо что-то успокаивающее. В этом его жесте не сквозило ни намёка на типично мужской интерес, это был скорее братский порыв. И все же я удивленно застыла на месте: что это за психолог, который так запросто обнимает кли-

ентов? Впрочем, пора было привыкнуть к тому, что в стенах клуба происходит немало удивительного.

Гений помог Юлечке спуститься и проводил ее на место. А перед нами так и осталась огромная доска с нарисованными на ней очертаниями гигантской фигуры. Наглядно. Нам кажется, что прошлое похоронено и забыто, но оно живет. Безобразное, угрожающих размеров. В наших головах, в наших душах. Напоминает о себе, неотступно, каждый день: мыслями — днем, кошмарами и слезами — ночью. И мы бессильны что-либо изменить. Мы не можем доказать свою правоту. Как там сказал дирижер? «Меня лишили свободы ненавидеть». Именно это я и чувствовала. Сейчас, в этот самый момент, чужая непорядочная тетка хозяйничала в моем родном доме. Она могла выбрасывать дорогие моей семье вещи, выдумывать обо мне гнусные истории, откровенно хамить моим родителям... Она могла все. Я — ничего. Замолчи и смирись.

— Итак, — Гений снова встал перед нами и вскинул руки, соединив кончики пальцев, — мы собрались здесь, чтобы поддержать друг друга. Такова основная идея существования клуба — не только профессиональная помощь, но и работа команды единомышленников. Один из лучших способов справиться со своей бедой — помочь другому, оказавшемуся в похожей ситуации. Попробуем? Поможем Рудольфу Карловичу?

Я бы — с удовольствием, только чем? Все вокруг, видимо, подумали то же самое, раз растерянно притихли. Гений обвел нас задумчивым взглядом, что-то прикинул в уме и неожиданно просветлел:

— Мне только что пришло в голову... Не считая меня, здесь присутствует двенадцать человек. Двенадцать присяжных. Давайте вынесем вердикт. Виновен ли обидчик нашего дирижера? Можно ли забыть его поступок? Или это достойно порицания — и кары? Ну же, друзья, пофан-

тазируем! Представьте, что вы — двенадцать судей. Двенадцать палачей.

Меня вдавило в стул. «Палачей». Значит, сюжет картины не случаен. Помню, Анька как-то щебетала о том, что нельзя держать в себе негативную энергию, нужно ее выплескивать — например, употреблять на творчество. Что же за демоны роились у Гения внутри? Теперь я просто обязана узнать его историю, даже если для этого придется выслушать непростые откровения остальных и самой вывернуть душу наизнанку! Кстати, неужели нас и правда двенадцать? Я машинально повертелась, подсчитывая собравшихся. Так и есть, с Гением — тринадцать. Только он совершенно забыл о Миле, будто она — пустое место...

— ...у этого композитора остались близкие? — между тем выдавали идеи присутствующие. — Рассказать обо всем хотя бы им, открыть глаза на их «великого» родственника!

— А еще лучше — проклясть и навести порчу, — твердо стояла на своей глупой версии Жизель. И что там творилось у нее на работе, раз тетка никак не могла отвязаться от псевдоэзотерики?

— Да плюнуть ему на могилу, и дело с концом. — Это, разумеется, подбросил вариант Алик.

И так далее и тому подобное... Гений смотрел на нас с таким видом, будто вот-вот схватится за голову. А Рудольф Карлович... Он снова сгорбил плечи, не в силах больше нести груз переживаний, и застыл на месте, обратившись в подобие горестного памятника.

Мне стало не по себе. Этому мудрому сильному человеку явно претил поднявшийся ажиотаж. Но он снова терпел — как терпел всю жизнь. Терпел из мудрости, интеллигентности, великодушия... Мы уже перевели впусую немало слов, а скоро и вовсе разойдемся, так ничего

и не предложив. Старик останется один на один с несправедливостью, глубоко оскорбленный, беспомощный...

— Да подождите вы все! — Повинуясь внезапно прозвизавшей разум смутной мысли, я не узнала собственный голос. Сейчас мне требовалось только одно: чтобы окружающие заткнулись. В этом гвалте идея упорно ускользала от меня... В горле пересохло от волнения, и я сделала глоток спасительного чая. Сейчас... так, уже теплее...

— Марго? — Синие глаза зажглись надеждой, и я поняла, что не могу сплеховать. Мне очень хотелось помочь дирижеру. И в не меньшей степени — оправдать доверие нашего раздосадованного лидера. Кажется, я кое-что придумала... Секундочку... Да вот же!

— У меня есть знакомая — по старой, еще журналистской деятельности. Толковая девочка, не болтушка. Работает сейчас в одном «желтом» журнале, довольно известном. Я не осуждаю — каждый зарабатывает как может, — деловито начала я.

Остальные оживились, хотя, судя по лицам, еще не понимали, куда я клоню. А во мне между тем проснулось вдохновение.

— Значит, одно издание у нас уже есть. Знакомая наверняка подскажет выходы и на другие. И сможет написать статью, изложить всю эту историю. Да, доказать ничего нельзя. Посеять сомнения — запросто. Особенно если будет написано талантливо. Как минимум расшатает пьедестал «великого творца». Может, найдутся другие обиженные, с более вескими свидетельствами. Человек такого сорта, как этот ваш композитор, наверняка «наследил» где-то еще. Восстановим справедливость — хотя бы так! Человек умер, но память о нем жива. Так пусть эта память будет правдивой!

Повисла тишина — плотная, будто сотканная из обших мыслей. Мне было свойственно сомневаться в сло-

вах и решениях, но сейчас от привычных колебаний не осталось и следа. Во-первых, я выступаю за справедливость, и это честно. Во-вторых, мы должны стать одной командой. В-третьих, просто обратиться с просьбой к знакомой — что в этом криминального? Ну и... «лучший способ справиться с бедой — помочь другому», святая правда! И не только потому, что я отвлекусь от своих страданий и совершу благое дело. Главное, я наконец-то перестану пасовать перед людьми и обстоятельствами, переборю страхи, возьму жизнь в свои руки. Перестану быть жертвой. Дам себе свободу ненавидеть.

— Вот же! Прекрасная идея! — довольно протянул Гений с видом «можете ведь, когда захотите». — Отлично! И именно «написать талантливо»! Возьмешься, Маргарита?

Опа, а на это я, если честно, не рассчитывала... Не потому, что чего-то боялась, — в конце концов, сохранить анонимность в издании с картинками от папарацци было проще простого. Но... с недавних пор я бросила писать, не было настроения. Короткие пресс-релизы по работе — не в счет. Откуда он взял, что у меня получится? Да, и кстати... В этом клубе что, манера такая — быстро переходить на «ты»?

— Достаточно было ознакомиться с ответом на вступительную анкету, чтобы понять: у тебя безупречный и самобытный стиль, впору романы сочинять, — словно услышав мои вопросы, пояснил Гений. — Но работаешь ты в пиаре. Почему бросила писать? И не подвернулся ли повод возобновить?

— Почему? — Я лихорадочно пыталась придумать сколько-нибудь внятное объяснение. Только что я выслушала пару тяжелых историй, и впечатлений на сегодня было достаточно. Мне не хотелось погружать остальных в свои проблемы — момент еще не настал. — Все просто... Газета, в которой я работала, закрылась. Кризис,

конкуренция — журналистам сейчас непросто. Я сменила сферу деятельности, а писать «в стол» — не мое. Зачем, если это никому не нужно? Я давно не работала со статьями. Да я даже название к этой истории придумать не смогу!

— Нужно что-то короткое. Да, короткое, но хлесткое, — с видом эксперта заявил Гений, словно кто-то просил его о помощи. А я ведь даже еще не согласилась! — Вот у Кафки — «Процесс», и все. Или у Шекспира — «Гамлет». У Достоевского — «Идиот». И здесь нужно что-то «говорящее».

Сказала бы я сейчас кое-кому пару ласковых, коротко, но хлестко... Гений взялся меня убеждать, а остальные с готовностью подхватили и бросились поучать. Со всех сторон полетели советы:

— Можно начать со строчки из песни, все ведь ее знают. Сыграть на контрасте: такая «светлая» песня — и темная душа...

— Про дирижера нашего как следует развернуть, не все ведь увлекаются классикой...

— И про пигмея, про пигмея обязательно написать, это так красочно...

Я лишь вертела головой, потеряв дар речи и уже готовая сдать под их напором. И тут Алик, единственный молчавший, тронул меня за руку и отрицательно покачал головой, мол, «Если сомневаешься, не соглашайся». Но разве я могла подвести, когда на меня с надеждой смотрели столько глаз? Чего тогда стоят мои упования на справедливость?

— Ладно, постараюсь помочь... — отмахнулась я, ежась под обжигающе-неодобрительным взглядом Алика. — Но, честно говоря, пока не знаю, как мне это написать...

— Если не знаешь, может, не стоит и браться? — наконец-то подал голос наш красавчик и, выдержав паузу,

авторитетно изрек: — Писать надо так, чтобы твои фразы захотелось растащить на мотиваторы в интернете. Или набить на теле.

Ему, конечно, виднее, вон, какой татуированный узор торчит из-под закатанного рукава! И я, кажется, слышу сомнение в его тоне? Думает, не смогу «тряхнуть стариной» и выдать что-нибудь удачное? Все, держись!!! Я ведь уже упоминала, что меня нельзя брать на слабо?

— Решено, берусь. Можете не тратить красноречие на уговоры. Но мне нужно как следует вникнуть в проблему.

— Постоите-постоите, друзья, я еще ничего не решил, — подал голос Рудольф Карлович. — Я благодарен вам за участие, но затевать шумиху не готов. А вот на могиле негодяя побывать надо. Не знаю, зачем мне это, какое-то чувство... Вдруг смогу поставить крест на этой истории? Все-таки похоронить прошлое?

— Договорились, — неожиданно легко согласился Гений.

А я-то думала, он начнет уговаривать дирижера, раз с таким азартом ухватился за мою идею!

— Побываем и вникнем. Рудольф Карлович, обещаю, мы с уважением отнесемся к любому вашему решению. Но вам нужна поддержка. Если не возражаете, мы с Маргаритой составим вам компанию.

— Тогда и я поеду, — тут же среагировал Алик.

— И я, — пискнула Анька.

Хорошенькое дело: один, похоже, вознамерился везде за мной таскаться, а другая не может пережить, что «офигенный мужик» проявил толику интереса к ее лучшей, на секундочку, подруге!

— Нет-нет, зачем нам такая делегация? — улыбнулся Гений, давая понять, что разгадал истинную суть их намерений. — Не будем привлекать лишнего внимания. Еще не время.

* * *

«Каков мужчина за рулем, таков и в постели» — недавно я читала заметку на эту тему в женском журнале. Тогда энтузиазм авторши, упорно доказывавшей справедливость изречения, показался мне глупым. Сейчас же, сидя на переднем пассажирском сиденье рядом с Гением, который уверенно, с шиком и даже нагло вато пробивался через пробку, я была готова поверить популярному глянцу...

Рудольф Карлович сразу уселся сзади — видимо, желал тактично оградиться от любых разговоров. Сегодня старик был молчаливее обычного, но язык жестов выдавал его волнение. Дирижер никак не мог устроиться в машине, хотя та обладала внушительными габаритами, путался в пальто, несколько раз ронял зонт-трость. Мы с Гением старались упредить любые его желания и с готовностью бросались на помощь всякий раз, когда это требовалось.

В салоне царила напряженная тишина. Любые разговоры сейчас, когда Рудольф Карлович готовился к «встрече» с давним знакомым, казались неуместными. Включать музыку и вовсе было бы вопиющей неумелостью. Вот мы и молчали. Гений ловко управлял своим шикарным черным внедорожником, а я искоса наблюдала за нашим лидером и думала о всякой всячине...

Вчера я посмотрела один из концертов с участием Рудольфа Карловича. Поиск в интернете выдал множество ссылок на его выступления — в Москве, Питере, Казани, Эдинбурге, Вене... Я выбрала свой любимый Третий фортепианный концерт Рахманинова — никогда не считала себя знатоком классической музыки, но это произведение могла напеть наизусть и чуть ли не целиком. А еще мне вдруг вспомнилось, как в юности ходила с мамой на вечер памяти Рахманинова. Из всех рассказов особенно